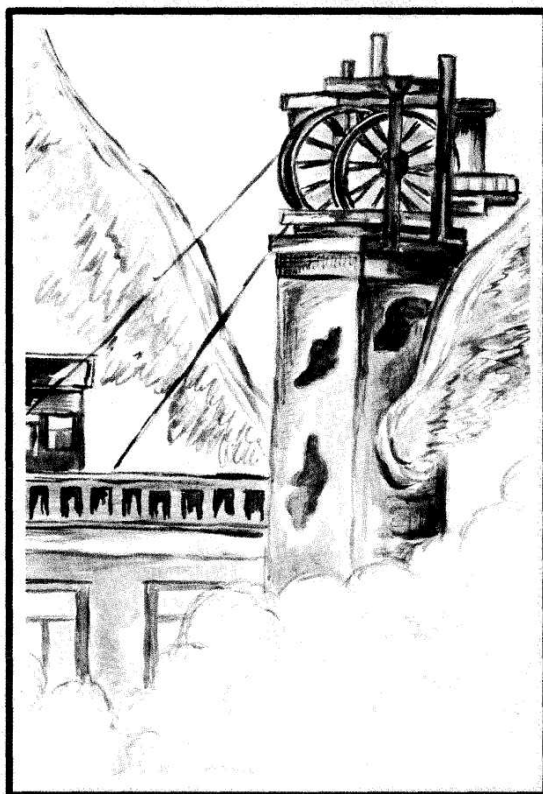

*О, Русь, взмахни крылами!...
Сергей Есенин*

МОСБАСС

*Литературно-краеведческий
народный журнал*

г.Сокольники Тульской области

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ: «МОСБАСС» ИЗ СОКОЛЬНИКОВ

Алексей Логунов
(г. Новомосковск)

АГРОНОМ ВСЕЯ РУСИ: СКАЗАНИЯ

От редакции: В настоящем выпуске «Журнал в журнале: «Мосбасс» из Сокольников» публикуем цикл рассказов нашего постоянного автора из Новомосковска Алексея Логунова, посвященных нашему же выдающемуся земляку, ученому-энциклопедисту, «первому агроному Всея Руси» Андрею Тимофеевичу Болотову (1738—1833), имея в виду недавнее 270-летие со дня рождения славного сына нашего Отечества.

СУДАРЫНЯ КНИГА

Невелико селъцо Дворяниново, да зато изобильно на затеи и причуды. У каждой бабки свои ухватки, возле каждого деда — своя беседа. Живут дворяниновцы тесно, у них даже лошади стоя спят. А ляжет конь, так хвост на соседском поле окажется. И все-таки не комочком селъцо сидит, есть здесь свои слободы, или концы. Старики в веселый час даже присказку-загадку сложили:

— Три конца, два крыльца, посередке речка!

Один конец селъца называется Гонцовский, другой Норманнский, а третий, расположенный в речной излучине, похожей на букву С, просто Слободка. Кроме трех слобод было в селъце Дворянинове еще несколько дворянских (или боярских, как здесь говорят) усадеб, которые все стояли на правом берегу речки. А главными из них считались две: одна на горе, другая в долине. И оба этих боярских дома были с большими крыльцами.

Три конца, два крыльца, посередке речка...

Вот речка-то всех соединяла — и крестьян, и бояр. Ребятишки с той и с другой стороны, сойдясь на речке, сообща купались, дурачились, ловили раков и пекли их в костре. Ах, до чего вкусны печеные раковые шейки!

Здесь, на зеленом берегу речки Скниги, собиралось по праздникам и взрослое население селъца, особенно на Вознесение Христово и на Троицын день, когда весь луг пестрел от цветов, кокошников и приветливых лиц дворяниновских жителей, приходивших сюда прямо из церкви, после обедни. Качели, хороводы, игра в килку (а по современному — хоккей на траве), в лапту, в городки, в стряколки-бряколки, в двенадцать палочек, в ладушки и во все и вся! Забав было много.

Но самым ярким событием праздника была встреча двух соломенных коней, которых изготавливали в главных боярских усадьбах. Внутри каждого коня, под попонами, прятались два молодых мужика. Что только эти «кони» не выделывали! Ржали, скакали, брыкались, бегали на перегонки, катали на спине малышню, прыгали через костер... У одного все четыре ноги в лапти обуты, у другого — в старых подшитых валенках. А как разойдутся, раззадорятся — и лапти долой, и валенки, и пойдут босиком плясать да притопывать, аж земля гудит, и народ, окруживший их, стоном стонет от восхищения: «Ох, ох, ох, ох, эхма!»

А степенные старики в этот день всегда рассказывают такую историю. В очень давние времена, еще на заре христианства, речка Скнига называлась Сударыня Книга. И вот почему. Однажды увидели люди, живущие на ее берегах: плывет книга с осьмиконечным крестом. Хотели ее выловить и так, и эдак, да не дается книга никому в руки. А взять ее смог только один человек: апостол Андрей Первозванный, ученик Иисуса Христа, который в это время шел от Черного моря к Белому, проповедуя Слово Вожие. Он и прочитал в той чудесной книге о судьбе Русской земли, о смутах и тяжких испытаниях, которые ей предстоят, но, в конце концов, Русь станет домом самой Божьей Матери. И еще прочитал, что «болото родит хлеб, и где был один колос, будет два и три, а сделает это человек, который родится через семь веков, и будет зваться его именем — Андрей».

И такой человек родился в боярском доме на горе — Андреюшко, Андрей Тимофеевич Болотов. О нем — эта книга.

Автор

ПЕРВАЯ ШКОЛА

Первая школа... Она у каждого из нас в памяти, в сердце. И занимает там место ничуть не меньше, чем родительский дом! Вот как вспоминает в «Записках» о начале своего учения Андрей Тимофеевич Болотов: «Мне уже шел тогда шестой год, следовательно, был я мальчик на смыслу и мог уже понимать буквы. 17 числа июня помянутого 1744 года был тот день, в который меня учить начали, и я должен был ходить в дом к одному старику малороссиянину и учиться со многими другими...»

Чему же учил мальчишек старик малороссиянин? Букварей в то время еще не было, учились по священным книгам — Евангелию, Псалтири.

«Помню я в особенности то,— пишет Андрей Тимофеевич,— что первое обрадование родителям моим произвел я выучением почти наизусть одного Апостола из послания к коринфянам, начинающегося словами: «Облечитесь убо яко избрании Божия...»

За давностью лет память немного подвела Болотова. Это было послание Апостола Павла не к коринфянам, а к колоссянам (гл. 3, 12—23). В первой своей школе маленький Андрюша Болотов, боярский сынок, постигал науку главнейшую — как жить. Давайте вчитаемся, задумаемся и мы в слова Апостола Павла, выученные мальчуганом наизусть. Привожу их по Библии в русском переводе (Болотов учил их на старославянском):

«...Облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благодать, смирennemудрие, кротость, долготерпение, снисходя друг к другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вас, так и вы. Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства; и да властвует в сердцах ваших мир Божий, к которому вы и призваны в одном теле; и будьте дружелюбны.

Слово Христово да вселяется в вас обильно, со всякою премудростью; научайте и вразумляйте друг друга псалмами, славословием и духовными песнями, во благодати

воспевая в сердцах ваших Господу. И все, что вы делаете словом и делом, делайте во имя Господа Иисуса Христа, благодаря через Него Бога и Отца.

Жены, повинуйтесь мужьям своим, как прилично в Господе. Мужья, любите своих жен и не будьте к ним суровы. Дети, будьте послушны родителям (вашим) во всем, ибо это благоугодно Господу. Отцы, не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали... И все, что делаете, делайте от души, как для Господа, а не для человеков...»

Не правда ли, в этом отрывке из послания Апостола Павла целая программа жизни? И как было не радоваться родителям, слушая мудрые слова из уст своего шестилетнего огольца? Пусть пока он произносил их механически, читал наизусть... но доброе семя в детскую душу было посеяно. А детская душа — почва самая подходящая, благодатная.

Болотовы в это время жили в старинном русском городе Пскове, по месту службы батюшки. В те годы Псков был почти сплошь деревянный, хотя было в нем немало и каменных домов. Но полковнику Тимофею Болотову деревянные нравились больше, в них легче дышалось, да и стоили они дешевле. Так что жили они в уютном, крепко сколоченном из сосновых бревен доме из нескольких комнат. Между бревен пазы были проконопачены сухим мхом, его запах мешался с запахом смолы и слегка кружил голову.

Дом старика малороссиянина, эта первая школа Андрюши Болотова, находился на той же улице, только на другом конце ее.

У Болотовых была дочь невеста (Авдотья, старшая сестра Андрюши) и в доме часто собирались гости, молодые люди. Как-то отец решил похвастаться перед гостями успехами сына и попросил его рассказать послание Апостола. Мальчика уговаривать было не надо. Читал он бойко.

— Жены, повинуйтесь мужьям своим, как прилично в Господе! — при этих словах он поклонился сестре, возле которой стоял ее жених, Неклюдов. Все улыгнулись, а девушка вспыхнула, отчего стала еще красивее, порывисто обняла братишку, чмокнула в нос и убежала.

Старик малороссиянин, узнав про этот случай, посадил Андрюшу во время урока рядом с собой — в знак поощрения. На круглой голове учителя, остриженной под горшок, господствовали усы, седые и длинные. Сейчас они добродушно шевелились, точно хотели обнять маленького школяра за его прилежание.

ПСКОВСКИЕ РУКОДЕЛЬНИКИ

*«Дом зятя моего сделался для меня
таким же училищем рукоделий и художеств,
каким был Петербург для наук»*

А. Т. Болотов

В неполных четырнадцать лет Андрей Болотов остался круглым сиротой: умерла матушка. (Отец отошел ко Господу еще раньше). В это переломное, трудное для подростка время и приютила его псковская земля, а если точнее — деревня Опанкино, где жила его старшая сестра Авдотья с мужем.

Тульская земля или псковская — все земля русская, родная. Хотя есть и отличие, своеобразие. Например, туляки, как заметил юный Болотов, народ более скрытный, себе на уме, этакие хитрецы, которые не прочь облапошить иного простака. А псковские жители более простодушны, доверчивы. Но и тех и других отличала страсть ко всякого рода выдумкам, мастерству и умельству.

В Опанкино Андрей Болотов приехал 12 октября и поспел как раз к именинам хозяйки, сестры своей. Торжества, съезды соседей-дворян и увеселения по сему слу-

чаю длились недели две. А там намечалась через несколько дней «звериная охота тенетами», и зять с сестрой уговорили Андрюшу остаться.

До самой зимы, до снега охотились на зайцев. Болотов тоже принимал участие в этом действе: ставил тенета, был загонщиком. Во время одной из охот случилось с ним странное происшествие. Дело было на Горелом Болоте. Андрея вместе с другими подростками и дворовыми людьми поставили сзади тенет — кричать и трещать трещоткой, загонять зайцев в ловушку.

Стоит Андрей, притаился за молодой елкой и вдруг слышит голос зятя, Василия Савиновича:

— Андрей, Андрей, беги на левый край!

Побежал Андрей. В охоте он новичок, значит, так надо. Вот и спина Василия Савиновича впереди мелькнула, и вдруг оборачивается, а это старый пень. Перекрестился Андрей со страху:

— Господи, помилуй!

Пошел назад... да еле-еле выбрался, уже в потемках, когда охота закончилась, и все уезжать собрались. Зайцев в этот раз накидали целую телегу, и Андрей был рад, что никто не заметил его отсутствия.

Про этот случай он рассказал только зимой, на святках, когда все рассказывали какие-либо забавные или страшные истории.

— Ну, боярин, не тебя первого он там водит, батюшка,— понизив голос до шепота, объяснил балагур-столяр, молодой еще мужик.— Он всех новеньких так-то облапошивает.

— Да кто же это, о ком речь?

— А-а, ты еще не знаешь. Хмырь болотный, вот кто. Он у нас как раз на Горелом Болоте и живет.

— Леший, что ли?

— Леший сам по себе. А это хмырь болотный, бесенок.

В усадьбе у Неклюдовых на святки собирались вместе и бояре, и дворовые люди: гадали, играли в разные святочные игры, загадывали загадки, пели песни. Балагур столяр умел бречкать на самодельных гусях и петь речитативом былины, подражая древним сказителям. И тут он пропел сочиненную им былинку, шутливую, которая начиналась так:

Как Андреюшко Болотов по болоту хаживал.

Ой, как его там хмырь болотный

До потемок важивал...

Все смеялись и Андрей тоже: святки же!

Наигравшись дома, молодежь уходила на заснеженную деревенскую улицу, поглазеть на «маленькие зрелища, обыкновенные в тамошних пределах. Наряжаются люди иные журавлями, другие козою с разными украшениями и погремушками,— вспоминал в своих «Записках» А. Т. Болотов,— таковую козу с превеликою свитою водят по всем дворам, заставляют ее прыгать и скакать и припевают песни: зрелище, хотя самое вздорное и глупое, но для тамошних деревенских жителей довольно смешное и приятное».

Конечно, как еще мог оценить этот простонародный театр четырнадцатилетний дворянин, только что приехавший из столичного Петербурга, где обучался всяким наукам, от французского языка и бальных танцев до геометрии? Но не здесь ли, не на этих ли деревенских игрищах были посеяны в его душе семена, которые дали всходы в Богородицке, где Болотов стал основателем первого детского театра в России?

Но пока он был совсем еще юный, зеленый, как говорят в народе, и жадно впитывал в себя любое знание, как распускающееся растение впитывает и дождь, и росу, и брызги дорожной воды из-под лошадиного копыта...

Во время святок столяр научил его бренчать на гусях. За три вечера научил. А когда Болотов освоил игру лучше учителя, тот смастерил ему в подарок новые гусли, звонкие и изрядно украшенные. К великой радости столяра, молодой боярин игру на гусях сопровождал пением его шуточной былины:

Как Андреюшко Болотов по болоту хаживал.

Ой, как его там хмырь болотный

До потемок важивал...

* * *

Закончились святки, но не закончились зимние посиделки с рукодельем-умельством. У Василия Савиновича, большого охотника до ремесел и художеств, были в усадьбе свои «столяры и токари, был изрядный резчик, кузнец, слесарь, седельник, несколько человек ткачей, портных, сапожников и других... мастеровых и рукодельных людей». Да и сам хозяин вечно в чем-нибудь упражнялся; особенно он был мастак делать рыболовные крючки с зубринами, поскольку был заядлым рыболовом.

Юный Болотов тоже перепробовал своими руками то, что умели усадебные мастера-художники. И научился за зиму делать многие хорошие вещи. Особенно же понравилось ему токарное ремесло и резьба по дереву. В ту зиму в доме Неклюдова свои и приглашенные из Пскова мастера делали большой иконостас для местной церкви, богато украшенный затейливой резьбой. Вот возле этих мастеров молодой боярин и околачивался целыми днями. Возьмет долото и на какой-нибудь негодной дощечке тоже старается подражать их искусству. А сколько он здесь наслушался всевозможных рассказов и историй! Записать их, так целая библиотека составит.

Больше же всего подружился Андрей Болотов со старичком Макарычем, бродячим мастером, который прожил у Неклюдова всю зиму, делая из простой бересты (еще летом заготовленной) всякое «узорчье»: табакерки, шкатулки, стаканчики, кружечки... При этом украшал их особого рода чеканкой, прокалывая верхний слой бересты тремя связанными иглами, что и придавало сим вещицам неповторимую прелесть.

Делал Макарыч и берестяные туеса самых разных размеров. Они употреблялись в здешних местах в качестве посуды. В больших туесах (до двух пудов) засаливали и хранили рыбу, которую лавливали по первому льду великое множество, возами. Съели к весне рыбку, туесок промыли с песочком — и чистый. А деревянный бочонок после до-олго рыбой пахнет.

Это делился своими знаниями с молодым боярином Макарыч, найдя в нем и внимательного слушателя, и способного ученика.

— Берестовый туесок — он как древний термос. Солнце не пропекает. Квас, воду на покос берут в туесах. Ягоды год лежат и не киснут, все как свежие. А молоко, сметана, творог, мед? Все это у хорошей хозяйки тоже в берестовых туесах хранится.

С чего все начинается, говоришь? Прежде всего, берестовый мастер идет в лес, ищет подходящую березу, ровную, высокую, чистую, чтоб кора была толстая, без трещин. Пилить в груди, чтоб на земле не лежала, она падает вниз вершиной.— А делать заготовки надо, когда лист на березе распустится в полный рост, но еще не заматерееет, и обязательно в жаркий день.

Из одной березы десять-двенадцать чурбаков напилишь. Теперь надо бересту снимать. Не сдирать, а снимать, цельною трубкою. Обычно это делают выколачиванием.

— Вот как! Потому и берестовая трубка называется сколотень?

— Правильно, Андреюшко,— радовался старый мастер сообразительности ученика.— А я тебе свой секрет открою, как сколотень снимать. Берешь березовый чурбачок, только что отпиленный, свежий, и рябиновым клином по окружности оттискаешь бересту, делаешь щель. И с другого конца так-то. Затем крепко-накрепко

обвязываю чурбачок ремненным чересседельником, резко поверну вокруг ствола, с усилием, и сколотень сам с березы снимается.

— А-а!.. Это вот как свистульки деревенские ребята весной делают. Из ивовой коры.

— Именно так, Андреюшко. Ребятчи свистульки меня и надоумили березовый сколотень ремнем стягивать. Выколачивать дело трудоемкое, не всякому под силу, а мне, тщедушному старичишке, особенно. Ну вот и придумываешь... голь на выдумки хитра!

Слушай дальше. Сколотень мы с тобой сняли. Сняли со всех чурбачков и привезли в усадьбу, сложили в погреб, чтобы не высохли, не покоробились. Теперь начинаем делать туесок. Всякая посудинка делается толщиной в три бересты. Для внутренней используют целиковый сколотень, без трещин, чтоб жидкость из туеса не вытекла. Второй слой кладут стоямя, чтоб стенки туеска не коробились. А верхний, третий слой — самый гладкий и чистый выбираем. На нем будем делать всякие узоры, кайму, украшения.

Как делать узоры? Выдавливать. Для этого у меня, видишь, целый ящик палочек из жимолости. На конце каждой палочки разные фигурки, вот смотри: треугольники, звездочки, полукружия, кресты... Берешь палочку, надавил да молоточком пристукнул, вот она, фигурка, на бересте и появилась, довольно возвышенная. Палочки из жимолости и поменьше, и потолще, ими и кайму у туеска сделаешь, вверх да вниз, и целые сюжеты можно рисовать.

(Кстати, Андрей Болотов впоследствии так и делал. Кроме треугольников и полукружий изображал на жимолостных палочках-штампах птиц, листики да ягодки. Целые косяки журавлей летели на его туесах! А растительный орнамент приводил в восторг самого Макарыча, берестового мастера!)

— Бересты мы приготовили, сложили все три вместе, теперь их надо сшивать,— продолжал Макарыч посвящать в свою науку молодого боярина.— Нитки али жилы тут не годятся, нужны тонкие сосновые корешки, хорошо оскобленные, а иные и расколотые. Можно и прутиком черемухи, ровным, без сучка-задоринки, или черемуховым же корешком, также хорошо оскобленным. Обрезы и края берест обшиваются сплошь, так, чтобы оных и не видно было. Таким же макаром и крышки делаются. А донышки вырезают из тонких липовых дощечек и вставляют в бересту, в кипятке размоченную. Высохнет — обожмет, точно срастется... Ну вот и начинай, Андреюшко. С Богом!

Через несколько дней, видя успехи и старание молодого боярина, берестовый мастер подарил ему все свои инструменты и жимолостные чеканы. Теперь Андрей занимался полюболюбившимся искусством всякую минуту, да так и прожил в Опанкино до самой весны.

КАК БОЛОТОВ ПОЧИНИЛ ОРДЕН СУВОРОВУ

В Кенигсберге, что означает Королевская Гора, жили королевские мастера. Во время Семилетней войны город заняла русская армия. К тому времени, о котором у нас речь, а именно в 1760 году генерал-губернатором был здесь Василий Иванович Суворов. Да, да, отец великого полководца, Александра Васильевича Суворова.

Королевских мастеров особенно не удивишь, они сами с усами... А генерал-губернатору Суворову хотелось их именно удивить, чем-нибудь именно русским. А поскольку человек он был православный, то и обратил свои взоры на ближайший православный праздник, который решил отметить, как это делалось у него дома, на Святой Руси.

Вот что записал очевидец тех событий.

«Новый наш губернатор начал правление свое представлением всем кенигсберг-

ским жителям такого зрелища, какого они до того еще не видывали, и которое их всех удивило; ибо как на другой день принятия его должности случилось быть празднику Богоявления Господня, то восхотел он показать бываемые у нас в сей день водоосвящения подворные, со всеми обрядами и процессиею, введенные притом в обыкновение. И так, выбрано было посреди города, на реке Прегеле наилучшее и такое место, которое могло быть окружено и видимо быть множайшим количеством народа, и сделана обыкновенная и сколько вскорости можно было украшенная иордань.

По всем берегам реки и острова поставлены были все случившиеся тогда в городе ... и батальоны с распущенными их знаменами в наилучшем убранстве, а в близости и подле иордани поставлено было несколько пушек.

Все сии приготовления привлекли туда несметное множество зрителей. Не только все улицы и берега реки и рукавов ее, но все окна, и даже самые кровли ближних домов и хлебных пиклеров унизаны были людьми обоого пола... Желание видеть нового губернатора привлекло туда еще более народа. Поелику же при погружении креста в воду производилась как из поставленных на берегу пушек, так и с фридрихсбургской крепости пушечная пальба, а потом и троекратный беглый огонь из мелкого ружья всеми войсками, то и сие сделало в народе еще более впечатления, и все кенигсбергские жители смотрели на сие с особливым удовольствием. Губернатор же не преминул в сей день угостить всех лучших людей обедом. Но многим из народа не полюбился только он наружным своим видом и простотою одежды...»

Вот ведь — «не полюбился». А уж как старался накануне, сколько хлопот было только с одним орденом Святой Анны! В суете походной жизни у генерала повредился крест названного ордена. Да так повредился, «что необходимо надобно было сделать оный совсем вновь». Суворов «приискал уже к тому и мастеров, но как в середине креста был написанный на финифти и в миниатюре маленький образок, изображавший св. Анну, и во всем Кенигсберге не смогли отыскать мастера, умеющего писать на финифти, (то) и не оставалось другого средства, как послать в Берлин...»

Легко сказать — послать в Берлин. Праздник-то уже на носу! А без ордена Святой Анны, которым генерал Суворов очень дорожил, показываться перед кенигсбергскими жителями ему не хотелось. Если бывала у генерала Суворова забота, то его офицеры из-под земли достанут, что требуется. Откопали и в Кенигсберге мастера, очень древнего старичка, умеющего писать на финифти... Но он заломил Суворову такую цену, что тот прогнал его с глаз долой.

Тут кто-то вспомнил про Андрея-умельца.

— Да чего мы горюем? Надо Андрея-умельца позвать.

— А кто таков?

— Поручик русской армии, ваше превосходительство!

— Да где ж его искать?

— Здесь, в Кенигсберге.

— Так послать за ним вестового!

— Зачем посылать? Он вот туточки, в соседней комнате, немецкие книги переводит.

— О-о! — удивился Суворов. — Он еще и переводчик, этот Андрей-умелец?

И все наперебой кинулись расхваливать генералу Андрея-умельца. У королевских мастеров он обучился слесарному, столярному, кузнечному, шлифовальному и другим ремеслам. Но продолжает учиться, ходит в здешний университет (урвав часок-другой от службы), где ведет дискуссии с самим профессором философии, господином Кантом!

— А уж какой шутник! — встрял в разговор один совсем юный писарек. — Фонтанец у себя дома изобрел, в дорожном сундучке. Вода из него струей струится, и веером, и мелким дождичком.

— Фонта-анец?

— Да, ваше превосходительство!

И писарек, захлебываясь от восторга, что с ним разговаривает сам Суворов, давай рассказывать напропалую, как Андрей-умелец установил на подоконнике своей квартиры сундучек с фонтанцем. И когда мимо проходят кенигсбергские дамы, которые даже в солнечную погоду ходят с зонтиками, Андрей-умелец нажимает рычажок, и вода из фонтанца дождем сыплется на дам. Тут-то они, подхватив юбки, и скачут домой, удивляясь: откуда дождик? Вот смех-то, вот потеха!

Но генералу Суворову, по всему видно, подобные шутки не показались смешными, и писарек стушевался за спины товарищей.

— Да где же этот ваш Андрей-умелец?

— Я здесь, ваше превосходительство!

Перед Суворовым стоял рослый красавец-поручик лет 23-х, лицо которого показалось генералу знакомым.

— Как тебя звать, молодец?

— Андрей Тимофеев сын Болотов! — четко отвечал тот.

— Уж не сынок ли ты полковника Болотова, Тимофея Петровича?

— Точно так, ваше превосходительство.

— Прекрасной души человек был. И друг мой хороший. А у меня, брат, до тебя нуждица... — по-свойски обняв за плечи поручика, продолжал генерал, показав изломанный орден. — Сумеешь починить?

Пройдут годы, и генерал Суворов будет не раз вспоминать, как Андрей-умелец починил ему орден Святой Анны. Все королевские мастера Кенигсберга не смогли — а он починил! По сути, сделал заново, но такой, что не отличишь от прежнего. Да что орден! Он, по высочайшему приказу, изготовил штампы, чтобы русские деньги печатать. Не возить же их мешками из Петербурга в Кенигсберг.

— Вот, Саша, какого человека наша армия породила, — говорил Суворов-отец приехавшему на побывку Суворову-сыну.

— Да где же он сейчас, Андрей-умелец? Служит?

— Нет, ушел в отставку... Сейчас он известен, как экономический писатель и чудодей-земледелец. Твоих солдатшек хлебом снабжает.

— Да, тем и славна Святая Русь, что в нужный час здесь всяк отыщется: умелец и земледелец, солдат и полководец.

И отец с сыном, помолвившись, сели обедать.

АНДРЕЙ СЕЯТЕЛЬ

Осенью 1762 года двадцатичетырехлетний капитан Андрей Болотов возвращался с царской службы домой. Был он по-юношески румян, порывист в движениях, в темно-карих глазах светилось любопытство. И трудно было поверить, что за плечами его семилетняя война, баталии и схватки на просторах просвещенной Европы. Оттуда вез он с собой бесценные «трофеи» — тюки с книгами, которые приобретал за собственные деньги. И намеревался в своем имении заняться экономией, то есть научным ведением домашнего хозяйства, домостроительством. «Эко» — в переводе с греческого означает «дом».

— Ну что, Абрам! Рад, что домой возвращаемся? — сказал он своему слуге, малому лет двадцати.

— Да как же не рад... все косточки рады: так и прыгают!

— То-то, я гляжу, ты все головой по сторонам вертишь.

Но Абрам все вертел головой совсем по другой причине. Он заметил, что рядом с задним колесом брички вот уже верст пятнадцать бежал, не отставая, неведомый зверь. Сказать боярину или обождать? Может отстанет... Зверь не отставал, и Абрам громко стал читать молитву:

Да воскреснет Бог,
И расточатся врази Его,
И да бегат от лица Его
Ненависящие Его. Яко исчезает дым,
Да исчезнут;
Яко тает воск от лица огня,
Тако да погибнут беси...

При последних словах Абрам согнулся, изловчился и резко хлестнул по спине неведомого зверя. Хрустнул, переламываясь, звериный хребет, колючая голова сунулась на дорогу...

— Кого это ты, Абрам?

— Зеленого волка! Батюшка боярин, он за нами уже верст двадцать бежит!

Болотов засмеялся:

— Да ты придорожный татарник ссек бичом.

А лошади все надавали ходу, с блестящих удил падала желтая пена. Так они мчатся всякий раз, коли топчут зверя. А может почуяли, что дом родной близко?

Про зеленого волка Болотов еще в детстве наслушался от дядьки Артамона всякой всячины. Но видеть его самому не приходилось. И сейчас с детским интересом слушал он рассказ очевидца, своего слуги. По словам Абрама, вся шкура зеленого волка от носа до кончика хвоста обросла колючками, шипами, созревшими травами, а над разинутой пастью светились два ярко-красных репья. Когда зверь подпрыгивал, или встряхивал головой, от него летели во все стороны, точно клубы комаров и мух, крылатые семена.

— Попадись он мне еще раз! — потряс бичом Абрам.

(Пройдет лет двести, и газеты запестрят сообщениями очевидцев, которые будут вот так же уверять, что видели «летающие тарелки», «зеленых человечков» и других «пришельцев из космоса», не догадываясь, что рассказывают о живущих рядом с нами, грешными, бесах и демонах, слугах дьявола. Видимо, из числа этих слуг был и зеленый волк).

Чтобы сократить путь, Абрам свернул с большой Тульской дороги на полевою, едва видную тропу. И тут из втулки заднего колеса повалил дым: загорелась ось... Несколько раз кучер тушил и подмазывал дегтем. Но ось продолжала дымить, причем, дым за повозкой тянулся клубами, напоминая лохматого зверя. Так и бежал за ними до самого сельца Дворяниново, родового поместья капитана.

«Я перекрестился и благодарил из глубины сердца моего Бога за благополучное доставление меня до дома,— запишет впоследствии А. Т. Болотов,— и не мог довольно насытить зренья своего, смотря на ближние наши поля и все знакомые еще мне рощи и деревья. Мне казалось, что все они приветствовали меня, разговаривали со мною и радовались моему приезду...»

— Боярин приеха-а-ал! — разнеслось по сельцу.

И мигом едва остановившийся возок окружили бабы, девки, мужики, ребятишки. Весь двор оживотворился. Все изъявляли радость свою, что Бог вынес боярина на Святую Русь, и все говорили, что они его не чаяли и видеть... так долго он пропадал в походах по чужим землям.

Люди не могли налюбоваться на своего молодого боярина: стройный, как тополек, походка живая, разговаривая, смотрит человеку в лицо, а взгляд родной, радостный. И руками при разговоре не машет, как мельница, что в обычае у дядюшки-генерала, живущего по соседству.

Всем нашел доброе слово, старикам поклонился, ребятишек по вихрам погладил, красным девицам улыбнулся. А своего верного слугу, домоправителя Григория Усача, обнял принародно и расцеловал.

Пока разгружали возок, капитан Болотов отправился осматривать свои хоромы. «Передняя моя комната, по множеству образов, в кивотах и без них, которыми уставлены были все полки и стены в угле переднем, походила более на старинную какую-нибудь большую часовню, нежели на зал господского дома... Со всем тем, первейшим делом повергнув себя ниц пред святынями, которым поклонялись еще самые прадеды и предки мои, принес я Господу благодарения мои за благополучное возвращение в тот дом, в котором я родился и впервые стал дышать воздухом» (Из «Записок» А. Т. Болотова).

Быстро сочинили ужин, и капитан Болотов с удовольствием скинул походный мундир, облачившись в простой деревенский кафтан. После дальней дороги и сытной домашней еды потянуло его тотчас в сон... и уснул он молодецки на своей походной кровати, поставленной в матушкином покойце.

Проснулся Болотов от свиста вражеской пули, куснувшей его за палец. Потекла теплая кровь. Да нет, не пуля-дура... это снова был неведомый зверь, возившийся у него в головах! Изловчившись, капитан схватил его всей пятерней за шкуру, приподнял над головой и так шмякнул об пол, что зверь еще раз пискнул да и испустил дух.

И капитан снова уснул.

Утром он очнулся от боли в пальце, обнаружил, что из пальца выдран кусок мяса с крупную горошину... и стал вспоминать, как в полусне шмякнул об пол неведомого зверя. Кажется он убил его... Расспросил слуг и узнал, что ночью на него напала преогромная крыса.

— Да где ж эта враговка?

Оказалось, домоправитель еще на рассвете подцепил ее на деревянную лопату и сжег на костре.

— Ах, он пролаза, бирюк, сатана...— ворчал Григорий Усач.— Сколь вреда от него, боярин. Бродит по нашим полям который год, и на шкуре семена сорных трав разносит. Спаси, Господи! Вот и в хоромы забрался...

— Неужто зеленый волк? — сдерживая улыбку, спросил Болотов.

— Кому ж и быть. Оттого и урожай на убыль пошел.

Капитан Болотов подумал, что не хочет ли его домоправитель свалить вину за свое нерадение на сказочного зеленого волка, но тут же устыдился сей несправедливой мысли. Григорий Усач был человек честнейший, расторопнейший, еще батюшке его служил верой-правдой. Ну а что домоправитель искренне верит в зеленого волка, врага всех земледельцев, то ведь и сам он почти поверил в его существование. Зеленый волк...

Пусть это будет аллегория, олицетворяющая сорные травы, всякую дичь и негодь, произрастающую на хлебных полях. Но с ними-то и предстоит ему биться, коли он всерьез решил посвятить себя земледелию и сельскому домоводству.

И битвы потом случались немалые. Весной зовет домоправитель своего боярина на пшеничное поле:

— Горе-то какое...

И впрямь горе: на всем поле семенная пшеница переродилась в сорняк костерь! Натура, то есть природа-матушка, преподносила загадки. Старик-домоправитель на этот раз про зеленого волка не заговаривал, хотя твердо знал: его дела!

С грустью шагал Андрей Болотов по пшеничному полю. На войне хоть врага видишь, инда схватишься грудь на грудь: или ты его, или он тебя... А как одолеть сего зеленого врага?

Болотов выдернул куст костеря, с отвращением отбросил, выдернул другой. Глядит, а это пшеничный куст, трубку выметывает. Лицо его слегка прояснилось. Стал смотреть дальше, пристальней. И оказалось, что метелки костеря вымахали выше пшеницы, закрыв оную собой. Что же делать, что же делать?... В раннем возрасте Андрей играл с деревенскими ребятами в «петушка» и «курочку». Сожмут в ладошке

стебель костеря и обшмыгивают: если метелка его соберется в ровный пучок, это «курочка», а если над пучком зеленый хвостик торчит, то «петушок». То же самое проделал он и сейчас. Да вдруг как закричит:

— Григорий! Веди сюда баб и девок, да поболее!

Домоправитель приказание исполнил живо-два. И любо было глядеть земледелу Болотову на свое поле, по которому рядами шли молодые бабы и девки в цветастых платках. Шли босые, на расстоянии вытянутой руки друг от друга, как боярин их расставил, и обшмыгивали метелки костеря, бросая под ноги его незрелые зеленые семена.

— Пашеничку, пашеничку поменьше топчите! — страдал домоправитель.

А бабы сию новую работу исполняли играючи, кто-то из них затянул песню, которую тут же подхватили:

Уродись, жито, кустисто-зернисто,

Старым бабам на пирог.

Девкам на монисто...

К обеду пропололи все поле. Озорницы-девки сделали из костеря и других сорных трав чучело зеленого волка, воткнули ему в брюхо вилы и со смехами-потехами понесли в селцо: мы-де не охотники! Вон какого зверя изловили: зеленого беса!

А Болотов все стоял на меже, глядел на прополотое поле, истерзанное и взлохмаченное. Костерь сообща одолели. А вот что будет с семенной пшеницей, поднимется ли? Пришел он сюда через два дня и ахнул: пшеница была так ровна, так чиста и густа, как лучше не можно было и желать! Это была первая победа агронома-самородка, Андрея Сеятеля, как прозовут его в народе.

* * *

«Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад не благонадежен для Царствия Божия». — сказано в Евангелии от Луки (гл. 9,62). Андрей Сеятель назад не озирался. Возложив руку свою на плуг, он шел и шел по отчей земле, распахиывая холмы и овраги, выкорчевывая пни и камни-валуны... А потом заседал отчую землю и зерном, и словом, и добрым примером. Заседал с молитвой ко Господу и Господь даровал ему успехи по вере его.

БРАКИ СОВЕРШАЮТСЯ НА НЕБЕСАХ

Никак Андрей Болотов не мог жениться. Ехать в Москву «на ярмарку невест», то есть мотаться всю зиму по балам, ему не позволяли средства. А живя в деревне, подыскать невесту молодому боярину было и вовсе непросто. Нет, невесты в округе были, но... «Руби дерево по себе», — говорил Андрею двоюродный дедушка, старый генерал, с которым они однажды ездили свататься. И зря проездили. Невеста оказалась, попросту говоря, вертихвосткой, у которой на уме одни наряды да столичная жизнь. Немногим лучше были и другие невесты и в намечавшиеся спутницы жизни явно не годились.

Болотов стал уже беспокоиться и нервничать. Дело в том, что жил он истинным девственником, за свою холостяцкую жизнь и часу не провел наедине с девицей или молодой женщиной. Правда, был один случай, еще во время его военной службы в Риге, когда Болотов квартировал у латышского дворянина Розенштрауха. Как-то после обеда Болотов остался в комнате наедине с хозяйской дочерью Элеонорой, девушкой красивой и на выданье.

«Она, подошедши ко мне, стала подле окошка и, разговаривая со мной не помню о чем, стала колоть булавкой бумажку, которой случилось залеплена быть разбитая за день перед тем окончина, — запишет он впоследствии в дневнике. — Меня догадало спросить ее, что это она делает и на что прокалывает окончину? «А вот, господин

подпоручик,— сказала она мне,— извольте-ка посмотреть, что это такое и хорошо ли?». Я встал посмотреть, но в какое удивление пришел, увидев, что она наколола связанное вензелем мое имя и фамилию. Я застыдился тогда и, притворяясь, сказал, что я не разберу, что это такое... Вот сколь стыдливость моя была велика!»

Выручила девятнадцатилетнего подпоручика хозяйка, которая вошла в комнату с какими-то новостями, и флирт прекратился.

Случай, можно сказать, совсем пустяшный, но почему-то именно он вспоминался Андрею сейчас, во дни неудачного сватовства. «Прямо беда...— размышлял сам с собою Болотов,— Без хорошей свахи мне никак не обойтись!» И такая сваха вскоре сама появилась у него в усадьбе, точно Бог ее послал. Это была простодушная старушка, из заводских немцев, проживавших в соседнем селе Ченцове. По-русски сваха говорила не совсем чисто, например, известное выражение «на мое счастье» произносила так: «по моим счасткам». И тем не менее все окружающие звали ее Ивановной! Значит, прижилась она на нашей земле, стала здесь своим человеком.

Вот эта-то Ивановна и подыскала Болотову невесту, будущую жену его Александру Михайловну Каверину, с которой он в мире и согласии прожил семь десятков лет, до самой смерти своей. Жила Сашенька в соседнем уезде, верстах в сорока от сельца Дворянинова, в небогатой дворянской усадьбе и была еще, как нераспустившийся цветок.

Но подыскать невесту одно дело, а жениться совсем другое! Непреодолимым препятствием казалась Болотову (да и не только ему) юность, даже детскость будущей жены: она была ровно вдвое моложе самого Болотова, которому шел 26-ой год. Родные Сашеньки просили хотя бы годок повременить со сватовством. Андрей согласился, но совсем приуныл: за год много воды утечет, многое переменится... Поэтому, когда сваха Ивановна произнесла свою знаменитую фразу: «По моим счасткам, Господь благословит ваш союз»,— Андрей не знал, что и думать. После разговора с Ивановной он, ложась спать, горячо молился своему святому Андрею Первозванному.

— Моли Бога о мне, святой угодниче Божий Андрей, яко аз усердно к тебе прибегаю, скорому заступнику и молитвеннику о душе моей... Помогите мне, батюшка, найти спутницу жизни!

И приснился молодому боярину удивительный, вещий сон. Я не беру на себя смелость пересказывать его, пусть это сделает сам Андрей Болотов, написавший в своих «Записках» следующее:

«В одну ночь ни думано ни гадано приснилась она мне во сне... будто находился я с нею в какой-то компании и что некто из бывших тут гостей, указывая на нее («уж не сам ли св. Андрей Первозванный?» — ред.), говорил мне точно сими словами:

— Ну, вот твоя невеста, смотри ее себе, пожалуй...

Далее памятно мне было, что я хотя и не говорил с нею ни одного слова, но рассматривал все черты лица ее и весь рост и вид ее наивнимательнейшим образом...

Когда Болотов рассказал о своем сне Ивановне и описал до мельчайших подробностей внешность девушки, с которой наяву ни разу не встречался, сваха вытаращила на него глаза:

— Ах, ба-а-аюшки... да это же Сашенька! Тут не иначе, как Промысел Божий. И дура же я буду, если дело это не совершится. Помяните меня тогда.

После вещего сна (в чем Болотов убедился и сам, когда впервые увидел свою будущую жену на смотринах), ждать стало легче. Он с головой окунулся в работу, в свое деревенское хозяйство и домостроительство. Добрая старушка немка не забывала Болотова, навещала его в усадьбе, и он с удовольствием отрывался от своих дел, чтобы поговорить о невесте.

— Пусть ей четырнадцатый год, а ростом она вон какая великая,— рассуждала взопревшая от чая и «сахаров» Ивановна.— Погляжу, погляжу, а сарафан-то титечки так и распирают. Точно две репы!

— Да? А мне показалось: две лукови... — в рассеянности обронил Андрей Болотов и вдруг так смутился, так густо и жарко покраснел, что румянец его перекинулся на сваху, и та смутилась:

— Ну, батюшка, загостилась я у тебя... Пора домой. Через недельку поеду на Вепрею к своим немцам, ты уж пришли лошадей. А с Вепрей-то и до Кавериных недалеко, доскачу до Марьи Абрамовны: надо уже и день сватовства назначить.

Разговор этот происходил зимой, а летом того же 1764 года было и сватовство, и вскоре свадьба. Свадебка, по словам самого Болотова, «была самая простая дворянская, и не с пышной руки, и не мотовская». Но многим памятная. Во время венчания в светлых окнах сельской церквушки вдруг ярко сверкнула молния, а за ней еще и еще (всего пять раз). И громыхнул добродушный голос грома, точно сами Силы Небесные благословляли молодых жить долго и счастливо.

Так оно и получилось. Болотовы вырастили пятерых детей, четырех дочерей и сына. Александра Михайловна пережила мужа всего на год и покоится рядом с ним на сельском кладбище, заросшем крупными деревьями. А все невесты, за которых Болотов неудачно сватался, умерли куда раньше его, в чем он опять же видел Промысел Божий: не для него они предназначались.

Истинно говорят Божьи люди: браки совершаются на небесах.

МАЛЬЧИК БАБАЙ И ЛУГОВУШКА

«День не без диковинки...»

Поговорка Болотова

Сколько на Руси рек, больших и малых! И в каждой, говорят, свой водяной живет. А вот в речке Скниге живет не водяной, а водянуха, по имени Мокрида. Был и здесь свой водяной, да не ужился с Мокридой и ушел в реку Оку. Там вон какой простор! В иной год, во время половодья, Мокрида отправляется к старому водяному в гости. В это время ее видят люди. Сидит на льдине голая девка и, кое-как прикрыв наготу распущенными волосами, всем встречным мужикам «изъявляет ласки пантомимой» — завлекает.

По словам стариков, в это время надо обязательно прочесть молитву «Отче наш». Или хотя бы три раза перекреститься, иначе быть беде. Дворяниновские мужики так и делали. А мальчуган один дворовый, Бабай, впервые такое диво увидал, Мокриду на льдине, вот и пошел за ней... Идет и идет, глаза таращит. Уже в воду зашел по пояса сам точно и не чувствует. И вдруг как ухнет в бучило!

Андрей Тимофеевич всю эту картину с горы наблюдал, из своей беседки в саду. Он нарочно эту беседку сделал, чтоб весной на ледоход любоваться. Красивое зрелище! И жутковатое. И вот, когда Бабай-то ухнул, сорвался боярин с места да скачками под гору, к реке! По пути жердь из садовой ограды выдернул. Прибежал, прыг на льдину — поплыл. Отталкивается жердью, на стремнину выбирается. Увидал Бабая, как тот барахтается (рубаха на спине пузырем), протянул ему жердь, втащил к себе на льдину. Так и спас малого.

Потом оба, переодевшись в сухое платье, отогревались в боярских хоромах горячим чаем, заваренным целебными травами. У этого чая было мудреное название, звучавшее на иноземный лад-декокт.

— Какими травами, говоришь? — переспросил боярин мальчика и принес свой гербарий, разложил на столе. — Вот, посмотри-ка.

— Ух, трав-то, цветов-то! — восхитился Бабай. — Прямо как на нашем лугу.

Андрей Тимофеевич решил испытать малого.

— Что ж, все их ты на лугу видал?

— Нет, не все...

— А какие?

— Вот эту да эту. И еще эту (ромашку, шалфей и буквицу). А вот эта в поле растет (полевой хвощ). А вот этих на болоте много (лютики, брусничник).

И когда пришел май-травень, Бабай стал носить боярину травы целыми картузами — так бумажные мешки раньше назывались. Отыскивал он для него и незнакомые травки-цветочки. Андрей Тимофеевич не мог надивиться сообразительности мальчугана. Но это будет в мае, а сейчас еще вовсю гудела, громыхала льдинами, плескалась речка Скнига, вышедшая из берегов от полой воды. И водянуха Мокрида все плыла и плыла на льдине, посылая встречным рыболовам воздушные поцелуи.

И так доплыла она до деревни Дятлово, где мужики, изловчившись, набросили на нее невод и вытянули на берег. Но Мокрида, по словам тех же мужиков, обернулась водяной крысой и уплыла, а вместо себя оставила в неводе деревянного истукана: раскрашенную девку с распущенными волосами из конского хвоста. Потом выяснилось, что деревянную Мокриду ради потехи сделал и установил на льдине один мастеровой мужичок с Норманнской слободы, по прозвищу Завитушка. Узнав, что из-за его проказы чуть не утонул мальчишка, которого спас сам боярин, он пришел в усадьбу и бухнулся в ноги:

— Виноват, батюшка боярин! Бес попутал...

Андрей Тимофеевич любил всякое рукоделье-умельство, и отчитав Завитушку, чтоб впредь думал о последствиях своих затей, стал расспрашивать его о плотницком ремесле. Причем, проявлял такое тонкое понятие во всем, что беседу вели они на равных, как два бывалых мастера.

* * *

Пришел май-травень, а за ним июнь-разноцвет: самая пора для сбора лекарственных трав. В этом тонком деле мальчик Бабай сделался у Болотова незаменимым помощником. Андрей Тимофеевич попросил мальчика приносить ему новые, еще никому неизвестные цветы и травы, и он приносил.

— Как ты их отыскиваешь? — удивился боярин.

— Это не я... это моя подружка.

— А она откуда знает?

— Да она живет в траве.

— Что ж она, така маленька?

— Да! Чуть поменьше валенка.

И боярин засмеялся нехитрой мальчишеской шутке. Но Бабай и не думал шутить. Подружка его, живущая среди трав, действительно ростом была чуть поменьше валенка, причем, не большого, а детского! Звали ее Луговушка.

— Да какая она из себя?

— Красивая! И веселая. Только вместо ног у нее утиные лапки.

Видя, что Бабай напропалую фантазирует, боярин дал ему бумагу и карандаш:

— Ну-ка. Нарисуй свою Луговушку.

И Бабай стал рисовать. Рисовал долго. Но у него ничего не получилось. Вернее, получилась, как сказал боярин, «каракатица». Тогда на другой день Бабай принес боярину куклу. Это был пучок травы с двумя глазастыми ромашками, которые с любопытством поглядывали вокруг и, казалось, вот-вот заморгают, захлопают белыми ресничками-лепестками.

Бабай поставил куклу на подоконник.

— Вот, боярин, какая Луговушка. Точь-в-точь она, не выше и не ниже.

— Правда, красивая, — разглядывая куклу, сказал боярин, дивясь умельству мальчугана.

Но он еще больше удивился, когда присмотрелся к куколке поближе. Вся она

была собрана из луговых трав, которые были для боярина новыми или едва-едва знакомыми. Потом оказалось, что все они росли по берегам Скниги. Порой мелькали перед взором, а разглядеть, тем более изучить и описать, не было времени. А тут — пожалуйста. Бесценная находка для его гербария. Болотову не терпелось разобрать травы, разложить на столе и поразглядывать, пополнить гербарий... но уж больно хороша была Луговушка, и он решил: пусть пока постоит на подоконнике, немножко люди на нее полюбуются.

Ночью Андрея Тимофеевича разбудил сверчок. Он так трезвонил, так заливался, будто спешил поведать миру удивительную и радостную весть. Но его, видимо, никто не слышал — такая была тишина вокруг. Андрей Тимофеевич глянул в открытое окно, похожее на книжную страницу, усеянную золотыми буквами-звездами с серебряной запятой месяца. В уголке чернела, точно иллюстрация, кукла Луговушка.

И вдруг ему показалось, что Луговушек было две! Или, действительно, лишь показалось? Боярин проморгался, даже потер один глаз согнутым пальцем. Точно, две. Видать, Бабай смастерил вторую и вечером поставил с улицы на подоконник. Может, пока все спят, зажечь свечу и заняться гербарием? Но тут на голос неугомонного сверчка откликнулся чей-то то-оненький голосок. Похоже, птичий. Или нет... вот так же у них в столовой поет вечерами самовар. Андрей Тимофеевич прислушался и стал отчетливо разбирать слова этой «птичьей» песенки:

Я девчонка Луговушка,

Я Бабаева подружка,

У меня коса травяная.

На косе роса медвяная...

«Неправильно слово произносит,— подумал боярин.— Но поет замечательно! Не хуже моего ученого скворца». И пока он так размышлял, на подоконнике произошло какое-то движение, тоненько засмеялись, кто-то спрыгнул вниз и топ-топ-топ! — маленькие шаги по тропинке. Вот так ежик по ночам топает.

Боярин быстро вскочил с постели, шагнул к окну — всюду было тихо. И кукла Луговушка на подоконнике была одна. Значит, вторая ему просто померещилась. Постой, а откуда же мокрые следы на подоконнике? Точно маленькие утиные лапки... Ночь была светлой, и следы виднелись отчетливо.

Утром, когда взошло солнышко, никаких следов уже не было. Зато лежали на подоконнике два свежих, в росинках, цветка — лесные ирисы. Как не допытывался боярин у Бабая, тот на все про все отвечал — «не знаю». И где растут такие красавцы — тоже «не знаю». А Андрею Тимофеевичу уж больно захотелось иметь их у себя в цветнике. И он при всяком удобном случае стал приглядываться, не растут ли где в окрестностях? И нашел в Каширском лесу, когда ехал из Москвы, и остановился на лесной полянке покормить коней. Тогда же выкопал их и перенес к себе в сад.

А куклу Луговушку с подоконника боярин поместил рядом с гербарием целиком, не разбирая на отдельные травки. И она стояла у него много лет, развлекала гостей и радуя хозяина.

Чуден мир Твой, Господи!

КАРТОФЕЛЬНЫЙ БАТЬКА

Как-то Павлуша, сынок Андрея Тимофеевича Болотова, убежал от няньки и забрался в отцовский кабинет. Вытащил из аптечного шкапа пакеты, пузырьки, деревянные точеные стаканчики, баночки-скляночки с сушеными и толчеными травами, которыми отец лечил своих домашних и слуг, а также и окрестных крестьян. Разложил на полу — играет.

Отец пришел так и ахнул:

— Ты что это делаешь?

— Я лекарь, папенька! Я больных лечу.

А «больные» рядышком стоят — тряпичная кукла, глиняный петушок-свистулька, два деревянных солдатика... Как тут на него сердиться?

— Ну и чем же ты их лечишь?

— Декоктom!

Декокт — целебный чай из трав, который придумал Болотов. Отцу было приятно, что сынок оценил его изобретение. Мальчик даже знал, из каких трав заваривают целебный напиток. Отца Павлуша любил. Жаль только, что папенька был постоянно занят. То в саду или в поле, то в кабинете, то верхом куда-то ускачет. А как интересно бывать с ним вместе! Как-то отец взял его с собой в огород, где садовник дядя Серега и девки с бабами собирали урожай картофеля. Уже лет десять прошло, как был издан указ сената о «заведении» картофелеводства в русском государстве. Медицинской комиссией было составлено и разослано по губерниям «Постановление о разведении земляных яблок», к которому прилагались закупленные у иностранцев эти самые яблоки — клубни. Каждому помещику выдавалось по несколько штук. И те сажали диковинные растения на садовых клумбах, рядом с цветами.

Болотову тоже вручили со всякими строгостями семь земляных яблок. И он, в отличие от других, взял их охотно, поскольку знаком был с ними еще со времен Семилетней войны. Там, в Восточной Пруссии, в 1760 году, он впервые попробовал их у солдатского костра.

«Во всех близлежащих деревнях,— напишет в своих воспоминаниях поручик Андрей Болотов, будущий агроном всея Руси,— были картофельные огороды. К тому времени он начал созревать и годился уже к употреблению в пищу. Солдаты о нем разузнали, и в один миг очутился он во всех котлах, уже кипящий. Со всем тем по необычайности сей пищи не прошло без того, чтобы не сделаться от нее болезней, и армия наша за узнание сего плода принуждена была заплатить несколькостами человек, умерших от сих болезней».

— Добро бы в сражении погибли, а то невесть от чего! — горевали солдаты, хороня умерших товарищей.— От каких-то «земляных яблок» живота лишились.

— Плоды оные не «земляными яблоками» именовать надобно, а «дьявольского силою»! то есть, картофелем,— заметил поручик Болотов, горевавший о погибших не меньше солдат.

И пошло новое словечко гулять по всей армии, да и немцам пришлось по душе. Болотов сложил это словечко из двух немецких слов, «крафт» и «тойфель» («сила» и «дьявол»). В этом была великая ошибка будущего великого ученого. Имя дьявола, зашифрованное в слове «картофель», воздействовало на людские умы чисто поддьявольски — желанием грешить, протестовать. Не потому ли в православной России то тут, то там вспыхивали «картофельные бунты», люди отказывались сеять этот незнакомый овощ? А вот в Белоруссии народ прозвал его «бульбой» — и никаких бунтов! Да и урожаи высокие собирали белорусские крестьяне. Так дьявол был посрамлен. Но враг рода человеческого от своих козней не отступился. Надо думать, при его непременно содействии люди сами завезли вместе с картофелем еще одну напасть — колорадского жука, который начисто сжирает на молодых растениях картошки и листья, и цветы. Остаются одни обгрызанные стебельки...

Но все это будет потом, много времени спустя. А сейчас земляные яблоки уже занимали у Болотова приличный огородец. Урожались они в земле целыми семьями или гнездами. В некоторых гнездах насчитывалось их до ста штук! Клубни были круглые и продолговатые, но попадались среди них довольно причудливые, похожие на головастую птицу, на неведомую зверушку. Этих по приказанию боярина садовник складывал в отдельный ворошок. Павлуша присел у ворошка, стал играть замы-

словатыми земляными яблоками. Отец был тут же, измерял их линейкой, взвешивал на безмене и все записывал в свою записную книжку.

— Смотри, боярин, кого мы выкопали! — принес садовник картофельный клубень, похожий на серьезного пузатого человечка.

— Ой, боюсь, боюсь, — спрятался Павлуша за отца.

— Да чего ж его бояться, — растягивая слова, говорил Андрей Тимофеевич, — ведь это... это же Картофельный Батька!

— Ну-у? — удивился садовник. — И впрямь похож.

— Да, да. Картофельный Батька! — сочинял Андрей Тимофеевич, поглядывая на сына. — Очень доброе существо, из рода Ангелов-хранителей. Живет и на земле, и под землей. Послушным и некапризным детям Картофельный Батька приносит подарки — земляные яблоки. Но сначала он их печет в костре. Так ведь, дядя Серега?

— Вестимо, так! — отозвался сообразительный садовник.

В этот день для Павлуши был настоящий праздник. Папенька разрешил ему вместе с садовником разжигать костер, печь в нем земляные яблоки. Вкус у них был удивительный и ни с чем несравнимый. Пока Болотов с сыном и садовником ели горячие «печенки» (бабы от них наотрез отказались), куда-то пропал Картофельный Батька.

— Наверное, под землю ушел, — догадался Павлуша.

Мальчик даже отыскал рядом с тропинкой норку, а рядом бугорок свеженакопанной земли и окончательно уверился, что именно тут ход под землю пузатого картофельного человечка.

* * *

Пройдут два века, и еще двадцать лет, а сказочный Картофельный Батька с легкой руки Болотова будет жить и здравствовать на крестьянских огородах сельца Дворянинова. Говорят, деревенские ребятишки встречают его там и по сей день. Особенно любит он посидеть у мальчишеских костерков.

— А какой он из себя, ребята?

— Да какой... Ма-аленький мужичок-толстячок, весь землей перепачканный. Нос клубеньком, глаза с прищуром. И фуфачка на нем новая, светлая. Подойдет к костру, молча присядет на корточки, руки к огню протянет и сидит, греется...

Мир тебе, Картофельный Батька! Тебе и дому твоему — деревенскому огороду.

СЕМИПОЛЬЕ

Научные труды А. Т. Болотова по земледелию, опубликованные в его собственном журнале «Сельский житель», писались еще в Дворянинове, а затем продолжались в селе Киясовка, где он два года служил царским управляющим. Именно там, в Киясовке, у него оформилась мысль о семиполье. В то время в России, да и во всей Европе, применялась трехпольная система севооборота.

«Бог за шесть дней сотворил землю, а в седьмой отдыхал, — размышлял Андрей Тимофеевич. — Хороший пример для нас. Вот и мы всю землю в Киясовке разделим на семь полей. Каждое поле будет три года рожать хлеб, три лежать в перелог, а в седьмой год унавоживаться, отдыхать даже от лошадок и коровок, то есть, от пастыбы скота. Чем лучше земля, тем меньше семян требует...»

Болотов присел на корточки стал расставлять прямо на тропинке чурбачки, сосновые шишки, большой камень посередине. А на самом краю положил два продолговатых камня-голыща. Здесь и нашел его Павлуша, стал приглядываться: чего это папенька строит?

— Это же деревня! — воскликнул мальчик.

— Да, сынок.

А Павлуша продолжал разгадывать отцовские загадки.

— Камень в середине — это боярский дом. Сосновая шишка — церковка, а еловая — колокольня. А вот избушки мужицкие, — показал мальчик на деревянные чурочки, расположенные в два ряда. — А это, это... — мальчик не мог определить, что же обозначают два продолговатых голыша.

— Скотный двор и конюшня, — подсказал отец. — Ну у тебя и глаз! Сразу всю мою деревню разглядел.

— Папенька, а как она называется? — деловито осведомился мальчик.

— Ну, скажем так: Семиполье, — раздумчиво произнес Андрей Тимофеевич, — Потому что вся пахотная земля вокруг деревни поделена на семь полей. Видишь?

Мальчик стал считать поля вокруг деревни и насчитал не семь, а девять.

— А-а... это ты и луг, и лес в поля записал. Давай-ка деревья с тобой сажать, чтоб сразу видно было: это лес.

И отец с сыном принялись сажать лес. Мальчик собирал и приносил отцу мелкие ветки, нападшие с деревьев, а тот втыкал их в землю. В их игрушечном лесу были и вековые дубы, и частый ельничек-березничек, и кусты...

— Как настоящий! — одобрил Павлуша.

— Да, хороший лес, — согласился отец. — Теперь нам надо как-то луг обозначить.

— Может травой закидать?

— Можно и травой закидать. Даже стожки сена поставим по углам.

Для одного дальнего угла сена не хватило, и мальчик воткнул туда лучок травы с двумя глазастыми ромашками — Луговушку, луговую хозяйку.

— А рядом с Луговушкой Житного Дедку ставь, старичка соломенного. Потому что далее его владения пошли — поля. Семь полей...

Между лугом и полями мальчик проложил проселочную дорогу и на ней возок с лошадкой.

— Это мы с тобой едем, — сказал он отцу.

А теперь и друг от друга поля надо как-то отграничить. Вот здесь ложбинка, ручей бежит. Вот здесь будет живая изгородь, акатник (акацию) насажаем. А дальше что?

Мальчик задумался.

— Водороина...

— Не хотелось бы, — вздохнул отец.

— А мы ее дерном обкладем и плетнями загородим! Как у нас в Дворянинове делали, помнишь?

— Ну, если так... тогда пусть отграничивает.

— А вот между этими полями три березки на холме!

Болотов с сыном обернулись и увидели бабушку Марью — Большую Боярыню. Она, оказывается, подошла незаметно и давно наблюдала за их игрой. И сразу поняла, что тут не игра, тут зреет целая революция в сельском хозяйстве Руси.

— Значит, Андрей Тимофеевич, все семь полей одной стороной выходят к усадьбе, к деревне, к скотному двору, я так понимаю?

— Да, матушка! — обрадовался Болотов, получив живой отклик на свою мысль.

— А для какой же цели? — продолжала интересоваться Большая Боярыня.

— А вот для какой.

И Болотов стал рассказывать о своей задумке.

— Если мы будем хорошо кормить пашню, удобрять ее навозом, она даст богатый урожай хлебов. Богатый урожай, в свою очередь, даст нам возможность содержать много скота, коней и коров. А чем больше стадо и табун, тем больше навоза. А навоз нужен полям...

— Замкнутый круг? — улыбнулась Большая Боярыня.

— Нет, замкнутый цикл! Ничто не пропадает, все идет в дело, на благо человеку-труженику, человеку-умельцу. Даже Ангелам Господь не дал таких способностей,

как человеку. Потому и сказано в Писании, что человек создан «по образу и подобию Божию»...

* * *

Деревня Семиполье на садовой дорожке прожила недолго. Налетел ветер и разбросал все крестьянские избушки, а заодно и стожки сена вместе с глазастой Луговушкой и Житным Дедушкой. А тут дворовый пес Барбос подскочил, разыгрался и повалил сосновые шишки, изображавшие церковь с колокольной, вытащил зубами зеленые ветки — три березки на холме, которые воткнула Большая Боярыня.

— Вот судьба вашей мысли, Андрей Тимофеевич,— грустно улыбнулась Большая Боярыня,— что ветром разметет, а что доконает собака какая-нибудь.

— Бог не выдаст, свинья не съест, матушка,— отвечал Болотов.— Будем работать! У Бога каждый наш волос на счету, а уж мысли-то на счету особом. Не пропадут!

Болотову очень скоро пришлось убедиться, что Большая Боярыня была права. Налетел ветер перемен и унес его на жительство в другую волость — Богородицкую. И все его нововведения по устройству семиполья царские чиновники предали забвению. Для них они были не более, как игрушки ученого чудака.

* * *

Из Лейпцига — диплом, а в Богородицке — гром! Гром аплодисментов, похвал, поздравительных речей, восхищения...

— Эх куда хватил Андрей-то Тимофеевич!

— От Европы ему почет!

— Высоко, высоко залетел наш сокол!

Факт избрания А. Т. Болотова Почетным Членом Королевского Лейпцигского Экономического Общества естественно венчал его научные занятия и труды. Сам же Андрей Тимофеевич к известию из Лейпцига отнесся спокойно, слава не вскружила ему голову. Он работал привычно, от зари до зари. И горячо благодарил Господа и ранним утром, и поздним вечером:

— Слава Богу за все!

ЖНИВНЫЙ ПЕТУХ

Андрей Тимофеевич Болотов бережно хранил один старинный документ, так, безделку, по его словам, но дорогую ему, как память об отце. Это был ордер с личной подписью Петра Первого, предписывавший поручику Тимофею Болотову исполнить дело государственной важности. По приказу Государя он сопровождал в Тамбовскую губернию группу крестьян, трех немцев и шестерых русских из Лифляндии — изрядных косцов хлеба, дабы они могли научить этому мастерству тамбовских мужиков.

Впоследствии Андрей Тимофеевич, побывавшей в Тамбовской губернии для межевания купленной земли, встретил там стариков, еще помнивших его батюшку. По их словам, Тимофей Петрович, хорошо говоривший по-немецки, привозил к ним дюжего немца, Вольдемара Носа (правильно Мооса) с двумя такими же дюжими сыновьями. Работники они были отменные, жили по пословице «делу время, потехе час», и тамбовские мужики хорошо запомнили и то, и другое. Одна из потех была связана как раз с уборкой урожая и называлась «Жнивный петух».

Немецких косцов поселили на краю Стрелецкой слободы, в деревянном флигельке пустующей боярской усадьбы, неподалеку от монастыря, именуемого в народе Казачьей обителью. По соседству жил мужичонка, по прозвищу Казачок, уже седой дедушка, и рассказывал Болотову о его батюшке и о немецких косцах.

— Косой-то косить не то, что серпом. Глядь, была нивка, а стала жнивка. Ну, я попробовал раз-другой, и дело пошло. «Гут, гут! — немец меня по плечу хлопает.—

Майстер!». А я в то время уже всю горбушей сено косил, отец Вапила из Казачьей обители меня приучил. Горбуша коса старинная, русская. Она и покорооче, и косье у нее кривое, как лебяжья шея. В лесу да по кочкам косить милое дело. Отец Вапила ее из Новгорода привез.

Ну так вот, через неделю я косил пшеницу плечо в плечо с самим Носом, а потом и вперед стал уходить. Научились и другие мужики. Наш брат, русский человек, переимчив. И вот жатва подходит к концу. Я на своей делянке первым закончил косьбу, оставил, по обычаю, пучок несжатых колосьев и завязал их узлом. Нос подошел, смотрит;

«Ты что это делаешь?»

«Житному дедушке бороду завиваю».

«А-а! У нас это по-другому называется: поймать Живного Петуха».

И тоже пучок несжатых колосьев оставил на своей полосе. Связал их каким-то особым способом и получился этаким соломенный петушок на краю поля. Потом Нос и говорит:

«Продай мне. Казачок, живого петуха».

«Зачем?»

«Праздновать будем. Праздник урожая справлять, пиво пить».

А пиво у них, у немцев, было забористое. Зачем, говорю, продавать, я и так приношу, у меня их в курятнике целых три. Один, рябка, по всей деревне шастает. А два другие краснобокие красавцы, эти домоседы.

Одного из домоседов я и приволок к немцу. В мешке. Нос выпустил его среди поля и вот носится за ним с сыновьями, ловят. Наши мужики тоже давай помогать. Вот потеха-то была! Сначала думал и, упустил немец петуха. А потом узнали: это обычай у них такой — петуха после жатвы в поле ловить. Кто поймает тому на празднике и подают этого жареного петуха на деревянном блюде.

— Ну и кто же поймал? — заинтересовался Андрей Тимофеевич.

— Да кто... батюшка ваш, Тимофей Петрович. Он ведь со всеми вместе хлеб убирал, сам заохотился. Молодой был, горячий... гренадер! Ну и немецкая потеха с петухом приплась ему по душе. Говорит, сам государь Петр Алексеевич всякие потехи любит и народу велит не унывать, а веселиться.

КРЕСТЦЫ НА ХЛЕБНЫХ ПОЛЯХ

Пришла коса и на дворяниновские поля. Андрей Болотов (как когда-то его батюшка у приезжих немцев) учился косить рожь, а затем учил своих мужиков. Вернее, учились они вместе. Просто Болотов, привыкший ко всякому рукоделью, быстрее освоил косьбу хлеба.

Дворяниновские женщины-жницы, воткнув на меже серпы в землю, с любопытством наблюдали за косцами. И сразу поняли, что коса — это великое облегчение для бабьих рук. Но бабьи руки разве могут быть праздными? Они тут же взялись вязать снопы.

Самый первый сноп перевязали, кроме соломенного связла, еще и красной лентой, расправили усы-колосья, воткнули два глазастых василька... И встал Житный Дедушка рядом сброшенными серпами, на краю хлебного поля.

А тут заглянул на боярское поле батюшка из соседней церкви, прочитал молитву, окропил святой водой и разгоряченных косцов, и женщин-вязальщиц, и вертевших тут же ребятишек, и первые ржаные снопы.

— А это что за языческий идол? — с напускной строгостью кивнул батюшка на Житного Деда. — Сжечь нехристя!

— Батюшка, он крестьянин! — кинулась защищать своего любимца Дунечка, бояринова крестница. — Смотрите, у него крест!

Поглядел священник, а у Житного Деда и правда на красной ленте крест-хлебный, такое особое печенье: кто-то из женщин прицепил.

— Ну, если хрии-сти-а-анин,— протянул, улыбаясь, священник и покропил Житного Деда святой водой,— тогда другое дело. Помогай, Житный Дедушка, народу урожай собирать! До зернышка, слышишь?

Затем батюшка поздравил всех с зажинками — началом жатвы, а Болотов пригласил его в боярскую усадьбу, на общий обед.

И пошел по деревням гулять слух, как на боярском поле окрестили Житного Деда.

— А крестная мать у него Дунечка, Маврина дочка, а крестный отец — сам боярин. Народу на крестинах было... у-ууу! Все поле усеяно. А потом в усадьбе пир был. Всякого встречного поперечного угощали. И еще с собой давали по каравайцу.

Слух этот был так устойчив, что вспоминался из года в год, чуть ли не на каждой деревенских посиделках, обрастая новыми подробностями. Говорили, что именно в этот раз на дворяниновских полях (да и вообще на Руси) снопы стали складывать в крестцы. Раньше-то как было? Свяжет жница сноп и лежит он в поле, пока не отвезут его в овин, просушиться и дозреть. У иного хозяина снопы до того долежатся, что и дождь не раз промочит, и к земле прибьет, и зерна уже в колосьях прорасти начнут... А сколько их осыпалось!

В крестцах же снопы могут стоять хоть до самого снега. Делают их так. Кладут на землю крестом четыре снопа, головой к голове, то есть колосьями друг к другу, да поплотнее. Затем на них еще четыре снопа... А девятым сверху завершают, вместо крыши, чтоб дождем колосья не проливало. Ветерком такой крестец со всех сторон продувает, подсушивает... и овин не нужен. Вези прямо на ток и обмолачивай.

Снопы в крестцах — мудрая народная придумка. Вот люди и связали воедино эти два события: «крещение» Житного Дедушки и появление крестцов на хлебных полях.

* * *

Как-то на святки собрались в избе Мавры парни с девками, молодайки — и опять вспомнили, как отец Илларион из Ченцовской церкви крестил Житного Дедушку.

— Да вы что,— возразила Мавра,— отец Илларион вон какой толстый. Мы с бабами весной его по пашне катали — не столкнешь! * А тот батюшка совсем другой был.

Стали вспоминать, кто его видел поближе, кто с ним разговаривал. Видели многие, а разговаривали двое: боярин да вот Дунечка. Ну и пристали к девчонке:

— Рассказывай, какой из себя батюшка был?

— Батюшка как батюшка... хрест у него деревянный.

— Какой, какой хрест?

— Ну, деревянный. Две березовые палки лычкой перевязаны, крест-накрест. Держит его батюшка, точно посох, видать, издавека-а-а пришел. А сам седой-преседой, и борода большая.

Вспоминает Дунечка, оглядывает широкими синими глазами притихших слушателей... и вдруг остановилась взглядом на маленькой иконке, стоявшей рядом с другими в самодельном киоте:

— Да вот же он, вот!

— Свят, свят, свят...— выдохнула Мавра и перекрестилась, а за ней и все сидящие за столом.— Как же мы его не признали?

Это была икона святого апостола Андрея Первозванного.

ПОМЕРАНСКИЕ ГРАБЛИ

Болотов любил запах соломы. У него даже начинали трепетать ноздри, когда он подходил осенью к соломенному скирду. Скирд был по-летнему свеж, золотист, хру-

* Старинный обычай, помогающий по народному поверью, росту хлебов.

стоя, и Андрей Тимофеевич заставлял Абрама набить матрас соломой, как делали мужики. Абрам приказание выполнял, хотя считал эту затею боярской причудой: то ли дело на перине поспать!

Болотов на воркотню слуги не обращал внимания. И ночью, лежа на соломенном матрасе, покрытом домотканой дерюжкой и полотняной простыней, ему легко думалось и легко дышалось, он перебирал в памяти события дня, до краев заполненного любезными сердцу трудами, тихо улыбался... Вот и сегодня Андрей Тимофеевич припомнил встречу со своей крестницей, деревенской девочкой Дунечкой. Было это еще в конце августа, когда на господских полях заканчивалась жатва.

Дунечка принесла матери, одной из лучших дворяниновских жниц, в поле полдник: кувшин с хлебом и вареную репу. Мавра (так звали жницу) попотчевала квасом оказавшегося рядом боярина, тот с удовольствием сделал несколько глотков, вернул кувшин:

— Хорош квасок у тебя. Мавра... шибает в носок!

— И-и, боярин, до квасу ли бабе в рабочую пору. Это вот Дунечка такой сварила.

— Ну? Вот мастерица! Поучила бы, крестница, наших дворовых девок такой квас варить. Придешь?

— Приду... — зарумянилась девочка от похвалы.

Так же зарумянилась и мать ее, Мавра, будто боярин сказал доброе слово не о ее дочке-семилетке, а о ней самой. Жница мельком взглянула на солнце, уже клонившееся к западу, взялась за серп, а Болотов с крестницей отправились домой. Идут по свежесобранному хлебному полю, разговаривают. Дунечка приседает время от времени, подбирает оброненные колоски.

— После матушки и колосочков не насобираешь, — делится девочка. — Вот за те-тушкой хорошо ходить, она часто колоски пропускает.

— А зачем тебе колоски?

— Житного Дедушку сделаю. Вот так да вот эдак скрутим жгут, а теперь два василечка вместо глаз, а эти длинные колосья на усы пойдут... вот он. Житный Дедушка!

— Ну ты и рукодельница! — снова похвалил Болотов.

— А-а, это так, забава. Я всегда с поля Житного Дедку приношу. Брошу курам во дворе, они любят в соломе копать, все зернышки выберут.

И Болотов подумал, что хорошая хозяйка вырастет из его крестницы. Экономная. И мысль его заработала, закрутилась. Почему бы не подбирать колоски после жатвы на каждом поле? Это же бросовое зерно, а вон сколько, им не только кур можно накормить... Руками, конечно, как его крестница, много не насобираешь. А вот если граблями? Да не нашими, обыкновенными, какими девки сено ворошат, а большими, которые видел он во время Семилетней войны, будучи в Померании. Он тогда даже зарисовал эти померанские грабли. Шириной они в косую сажень, а ручка чуть потоньше оглобли, и к ней лямки приделаны. Надевают два мужика эти лямки на плечо и поволокли...

Сказано — сделано. Испытать новшество боярин доверил двум молодым мужикам, которые ему же и смастерили эти грабли, Дунечкиным старшим братьям, Фоме да Ереме. Впряглись Фома с Еремой, прошли ряд, прошли два и три... Колосков набралось изрядно, но и вспотели же!

— Ерема, как боярин назвал грабли-то?

— Померанские.

— Вот уж точно... померанские. Если мы с тобой до вечера потаскаем, то непременно померем. Померанские и есть! — ворчал Фома. — Их в пору коню возить...

Хотел он о том сказать боярину, да не осмелился. А Болотов будто прочитал у мужика мысли и говорит:

— Стоп, ребята! Такое для нас терпеть невозможно. Ну-ка, Фома, бери пилу, спили-

вай оглоблю-то. Так, так, под самый корень! А теперь найдите еще такую же оглоблю и врежьте в брус, вот здесь и здесь...

— Лошадь впрягать будем?

— Да, Фома! Какую-нибудь старую клячу, чтобы доброго коня от дела не отрывать. А оглобли пропустите на четверть через брус, это ручки будут. Поднял за ручки грабли, освободил колосья и дальше поехал.

Так «померанские» грабли Андрей Тимофеевич превратил в конные. И работали на них ветхие старики да малые дети. Труд невелик, а хлебу прибавка.

БОЛОТОВ И ПУГАЧЕВ

Емельян Пугачев был участником Семилетней войны и, говорят, даже служил в роте Андрея Болотова! По другим утверждениям, Пугачев под началом Болотова не служил, а находился в отряде донских казаков. Но встречаться во время войны они встречались.

Когда русская армия вступила в Пруссию, Болотов не позволял своим солдатам грабить местное население. А некоторые командиры смотрели на это сквозь пальцы, и прусские крестьяне стали устраивать на русских солдат засады, по сути, вели партизанскую войну. Особенно были несдержанны вольнолюбивые казаки, привыкшие ходить в чужие земли «за зипунами», то есть грабить. Это считалось законной военной добычей.

Однажды, зайдя в прусскую деревеньку, поручик Болотов увидел, как молодой чернобородый казак волок из крайнего домика одной рукой козу за рога, а в другой тащил мешок с круглыми сырами и хлебом.

— Ты что это делаешь, негодник? — остановил его Болотов.

— Запасаюсь провиантом за счет вражеского населения! — бойко отвечал казак, ничуть не смутившись.

Выбежал плачущий старик немец, и Болотов приказал казаку вернуть козу. А мешок с сырами тот так и не отдал.

— Со стариками воюешь?

— С вражеской страной. Не я эту войну выдумал, боярин...

Болотов рассказал о сем случае своим солдатам в роте, и те сказали:

— А, это Пугач! Этого казака мы знаем. Такой ухверт!

Но говорили сие, как заметил Болотов, не с осуждением, а почти с восхищением.

От солдат поручик узнал, что Пугач был изрядным умельцем: и сапожничал, и шорничал, и с кузнечным инструментом управлялся не худо. Какие славные уздечки, украшенные медными и серебряными бляхами, шил он по заказу молодых щеголей-офицеров! Конь в такой уздечке был не только красив, гордо держал голову, но и резвее, прытче становился.

Но бесшабашен был Пугач и с людьми особо не считался. Как-то сшил сапоги одному армейскому капитану, да сам же в них три дня и щеголял. Капитан узнал, взбеленился: «Засеку!» А Пугач и тут проявил смекалку: сказал, что специально сапоги разношивал, чтоб они, значит, на капитанской ноге сидели удобно и ловко. Так и вывернулся, бес! Вот за эту находчивость солдатский люд его и любил.

Пройдут годы, и Болотов, когда разгорится крестьянское восстание Пугачева, не раз вспомнит того казака Пугача. Если этот такой же ухверт, то добра от него ждать нечего... Народное восстание — это стихия! Его можно сравнить с бурей, с половодьем. Но точнее всего, пожалуй, — с пожаром. Еще не скоро пепелище зарастет зеленой травой, цветами, еще не скоро вновь обстроятся люди и зазвучат в домах детские голоса!

* * *

Болотов, присутствуя при казни Емельяна Пугачева в Москве, узнал в нем того казака-уховерта, Пугача. Но ни говорить, ни писать об этом не стал. Зачем? Время смутное, и стоит ли гордиться таким знакомством? Но рисунок казни Пугачева сделал. Потом он, этот рисунок, обойдет все школьные учебники истории, которые в разное время по разному будут называть предводителя восстания: одни вором и разбойником, другие народным героем.

Какая непомерная сатанинская гордость — выдавать себя за самого Царя-Батюшку! Вот так однажды восстал против Отца Небесного самый светлый Ангел — Денница, возомнивший себя равным Богу. И стал сатаной, был низринут в хляби подземные. Теперь он князь мира сего, но царство его не вечно.

«Нет мира на земле, Господи! — думал Болотов, торопливо заканчивая рисунок. — И будет ли? А так хочется тишины и покоя, так хочется творить и работать...»

Пугачев, по свидетельству Болотова, «стоял в длинном нагольном овчинном тулупе, почти в онемении, и сам вне себя, и только что крестился и молился». Другие очевидцы тоже утверждают, что он крестился, кланялся на все четыре стороны и повторял: — Прости, народ православный!

АНДРЕЙ ТИМОФЕЕВИЧ ГОВАРИВАЛ...

Четырехтомный труд «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков» — неиссякаемый кладезь образного русского языка XVIII века. В приближении письменного языка к разговорному, народному Болотов является предтечей Пушкина. Вот некоторые поговорки, изречения, словечки, взятые из этой книги.

Когда Бог пристанет, так и пастыря приставит.

Удастся — квас, не удастся — кислые щи.

Полюбится иногда и сатана лучше ясного сокола.

Я не хотел пить и не хотел никак из ума тоже выпиться, как они.

Эти собаки одну сметану лижут! (то-есть, воруют вместе).

Дело стану мешать с бездельем...

Он решил посмотреть не одними телесными, а умственными очами.

Монумент глупости.

Театр дурачеств.

Разнобоярщина (разнообразие).

Денежная молитва (взятка).

Порядка тут и в завете не раживалось.

Смаленьку был к Богу прилежен.

Андрей Тимофеевич никогда не ругался черным словом. У Болотова самое сердитое ругательство было такое:

— Прах бы вас побрал!

«ГЛАЗКИ» ДЛЯ ПРИВИВКИ

Четырехтомная эпопея «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков» оказала благотворное влияние на всю русскую классическую литературу XIX столетия. Этот удивительный литературный труд я сравнил бы с яблоней, от которой охотно брали почки («глазки») для прививки на другие деревья. И они прекрасно приживались, давали чудесные плоды!

Читаешь описание уездных чиновников Богородицка и вспоминаешь гоголевского «Ревизора». Сюжет о болотовском прапрадеде Еремее, который со своим товари-

щем бежал из татарской неволи, удивительно напоминает «Кавказского пленника» Толстого. А когда Болотов описывает, как татары русскому пленнику «взрезали пяты, насыпали рубленых лошадиных волос и заростили их там, чтоб не мог далеко ходить...», то невольно вспоминаешь «Очарованного странника» Лескова.

Писатели девятнадцатого века, конечно, были хорошо знакомы с литературными трудами своего предшественника. А мы только открываем для себя писателя Болотова. (Или Болотова, как называют его некоторые ученые). Открываем — и удивляемся.

* * *

Мой сосед-восьмиклассник Валера, прочитав пьесу А. Т. Болотова «Несчастные сироты», сказал мне:

— Такой знакомый Митрофанушка! Прямо как у Фонвизина в «Недоросле».

— Просто и Болотов, создавший образ Митрофанушки на два года раньше, и Фонвизин очень точно отобрали свое время. Тогда таких Митрофанушек было, как говорится, хоть пруд пруди. (Кстати, и сейчас тоже)

Но на слово мне Валера не поверил, пришлось показать ему статью критика А. Демиховского, опубликованную в книге «Болотов А. Т. Избранное» (Псков, 1993 г.). Вот что мы прочитали:

«В имении помещика Агафона Злосердова живут сироты — молодая девушка Серафима и ее младший брат Ераст. Чтоб завладеть их имением, он хочет женить на Серафиме сына Митрофана, а Ераста отравить, накормив грибным пирогом с ядовитыми мухоморами...

Уже было сказано, что драма «Несчастные сироты» тематически и сюжетно перекликается с комедией Фонвизина «Недоросль», написанной два года спустя. Указывалось на некоторое совпадение характеров главных персонажей, на родственные черты в проявлениях их душевной жизни, в поведении, в манере выражать мысли. Митрофан Злосердов и Митрофан Простаков одинаково проявляют себя в ситуации, в которой находятся: оба намерены жениться насильно на состоятельной сироте».

И далее:

«Своеобразие Болотова не только и не столько в осмеянии порока, как у Фонвизина и других современников, но в изображении крупным планом и в сильной эмоциональной окраске страдающих обманутых жертв, рядом с которыми носители порока (например, чудища Злосердовы) делаются не смешными, а страшными».

— Вот расскажу на уроке про второго Митрофанушку, Нина Васильевна мне пятерку поставит, — размышлял мой восьмиклассник. — А может, двойку...

— Двойку-то почему? — удивился я.

— Не поверит. Скажет, сам выдумал. Ведь в библиотеках пьес нету, я весь город обегал. Чем докажешь?

Что правда, то правда, литературное творчество Андрея Болотова (особенно его пьесы) еще доступно даже не всем учителям. Так и родилась идея пьесу «Несчастные сироты» включить в книгу о Болотове, над которой я сейчас работаю.

ПРОЗОРЛИВЕЦ

Был у меня в Богородицком районе знакомый старичок — Алеша Капитоныч. Не Алексей Капитоныч, как следовало бы величать его соответственно возрасту, а именно — Алеша Капитоныч. Так называли его в деревне, так и я.

Изба Алеши Капитоныча стояла рядом с правлением колхоза, окнами на дорогу, и он, не выходя на улицу, знал все деревенские новости. К нему обычно приводил председатель и постояльцев на ночлег. Мне он по дороге доверительно сообщил, что хозяин верит в Бога и нам будет о чем поговорить.

— Библию читает! — шепнул председатель, уже ступив на порог избышки. Позже выяснилось, что «Библией» он называл потемневший от времени молитвенник, еще дореволюционного издания.

— Алеша Капитоныч, ты дома? Вот писателя тебе привел.

— Здравствуйте. А я вас с утра жду. Чайник уже три раза кипятил.

— А вдруг бы мы не пришли?

— Куды вы мимо моей избышки... она всех приветчает.

— Вот человек, — обернулся ко мне председатель с детской улыбкой на залубевшем лице, — из избы не выходит, а все знает. Недавно говорит: «Этот длинный, в темных очках, что к тебе на работу проситься приехать, долго в деревне не задержится». И правда: получил наш новый скотник аванс, поехал на базар — и не вернулся. А ведь Алеша Капитоныч его видел только один раз, через окно, когда тот из автобуса выходил...

Так я познакомился с Алешей Капитонычем. Кривобокий после паралича, с костыликом, брови над карими глазами, точно козырьки... Узнав, что я собираю в Богородицких деревнях материал для книги про Андрея Сеятеля, он шевельнул туда-сюда бровями, сказал:

— Давно, давно пора. Только книгу-то надо написать правдивую, не утаивать ничего. Андрей Сеятель и сам был мастак книги писать. Много написал! Да не все они до народа доходят. Утаивает их начальство.

— Но почему же утаивает? — спросил я.

— А потому, что в его книгах — правда. А правду кто любит? Когда кривда у власти, правду по углам прячут. Но она вы-ыйдет на свет, выйдет! Вот смотри-ко, что ко мне в палисадник ветром занесло.

И Алеша Капитоныч достал из деревянного сундука, который служил ему кроватью, скамейкой, несколько пожелтевших, испачканных землей и дождем книжных листочков. Без начала и конца.

— Да что ж это такое?

— Письмо Андрея Сеятеля. Другу одному пишет; богородицкому помещику. На-ко, читай сам, ты поглазастей.

Я взял листки, подивился на них, рассматривая, стал читать вслух:

«А относительно всяких нововведений ты умен и смекнул сам, что не только следует придерживаться всего старого, но всмотреться в него насквозь, чтобы из него же извлечь для него улучшение. Но я тебе дам совет насчет соприкосновения помещика с крестьянином в хозяйственных делах и работах, что покамест нужнее всего прочего. Припомни отношения прежних помещиков-хозяинов к своим мужикам: будь патриархом, сам начинателем всего и передовым во всех делах. Заведи, чтобы при начале всякого общего дела, как-то: посева, покосов и уборки хлеба — был пир на всю деревню, чтобы в эти дни был общий стол для всех мужиков на твоём дворе, как бы в день самого Светлого Воскресенья, и обедал бы ты сам вместе с ними, и вместе с ними вышел бы на работу, и в работе был бы передовым, подстрекая всех работать молодцами, похваливая тут же удалца и укоряя тут же ленивца. Когда же наступит осень и кончатся полевые работы, воспряднуй таким же образом и еще большим пиршеством окончание работ, в сопровождение торжественного и благодарственного молебна. Мужика не бей. Съездить его в рожу еще не большое искусство. Это умеет делать и становой, и заседатель, даже староста; мужик к этому уже привык и только что почешет слегка у себя в затылке. Но умей пронять его хорошенько словом; ты же на меткие слова мастер. Ругни его при всем народе, но так, чтобы тут же обсмеял его весь народ; это будет для него в несколько раз полезней всяких подзатыльников и зуботычин. Держи у себя в запасе все синонимы молодца для того, кого нужно попрекнуть, чтобы слышала вся деревня, что лентяй и пьяница

есть баба и дрянь. Выкопай слово еще похуже, словом — назови всем, чем только не хочет быть русский человек. В комнате не засиживайся, но появляйся почаще на крестьянских работах. И где ни появляйся, появляйся так, чтобы от твоего прихода глядело все живей и веселей. Изворачиваясь молодцом и щеголем в работе. Поддай и от себя силы словами: «Прихватим-ка разом, ребята, все вместе!» Возьми сам в руки топор или косу; это будет тебе в добро и полезней для твоего здоровья всяких Мариенбадов, медицинских муционов и вялых прогулок...»

— Алеша Капитоныч! А почему ты считаешь, что писал это Андрей Сеятель, то есть Андрей Тимофеевич Болотов?

— Да кто ж еще такое письмо мог написать? Конечно, Болотов! Так до тонкости знать жизнь и натуру сельского жителя мог только он, Андрей Сеятель.

— Смотри дату под письмом: 1846 год. А Болотов умер еще в 1833-м.

— Мало ли... Это его напечатали в 1846-м, а написано в 1832-м, за год до смерти. Или еще раньше. Могло такое быть? Могло.

Но меня что-то смущало. Где-то я читал уже это письмо, но не у Болотова, а у другого писателя. Позже я случайно обнаружил его, и где бы вы думали? В книге Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Вот, думаю, удивлю я Алешу Капитоныча! Но он, когда мы встретились, и я рассказал ему о своей находке, скептически усмехнулся:

— Значит, Гоголь?

— Точно, Гоголь!

— Да он этих помещиков на смех поднимал! Вспомни Плюшкина, другие мертвые души. А тут о жизни речь. Как с русским крестьянином обращаться надо, чтоб всем хорошо было. Все, как Андрей Сеятель учил.

— Да что ты мне не веришь? Я своими глазами в книге читал.

— Где книга?

— Дома забыл. В следующий раз привезу обязательно.

— Привози, посмотрим. Опять правду прячут, а? — шевельнул он туда-сюда бровями, обращаясь в передний угол, где висела небольшая икона Николая Угодника, который, казалось, внимательно слушал его.

После этого разговора мы не виделись с Алешей Капитонычем около полугода. А когда я поехал в Богородицк и книгу Гоголя для него захватил, то уже опоздал.

— Похоронили мы недавно Алешу Капитоныча,— сообщил мне печальную весть председатель.— Хороший был человек. Прозорливец! Знаешь, он вот тут перед смертью мне листки передал. Говорит, письмо нашего Болотова кому-то из помещиков. Я почитал, у-умница был мужик.

— Кто? — машинально спросил я.

— Да Андрей Сеятель. Прямо как руководство к действию! Для председателя колхоза...

Я не стал разубеждать немолодого уже председателя, не читавшего «Выбранные места из переписки с друзьями». И книгу показывать не стал. Андрей Сеятель — это ведь образ собирательный. Сам народ говорит его устами.

